

Фан Сынун больше не мог просто лежать. Он приподнялся и сел напротив Юй Цюся, скрестив ноги, но голову держал опущенной, храня молчание.

Пользуясь темнотой, Юй Цюся слегка прикусил изнутри губу, пытаясь подавить клокотавшую в груди злость. Получилось скверно — голос всё равно прозвучал резко и отрывисто:

— Где она?

Фан Сынун молча разминал лодыжку. Спустя долгую паузу он глухо выдавил:

— Она ушла ещё до того, как я поступил в университет.

Юй Цюся не сразу понял:

— Куда ушла?

— Умерла, — на этот раз Фан Сынун ответил мгновенно и удивительно спокойно. — Ей и восьми лет не исполнилось.

Юй Цюся лишился дара речи.

Окажись они в равных условиях, и вздумай кто-то столь же бесцеремонно лезть к нему в душу, Юй Цюся вряд ли полез бы в драку, но точно не упустил бы случая съязвить напоследок: «Теперь ты доволен?». Сделал бы так, чтобы тошно стало обоим — он никогда не умел прощать чужую бестактность.

Но Фан Сынун был другим. С виду нелюдимый и колючий, на деле он редко заставлял людей чувствовать себя неловко.

А уж с Юй Цюся — и подавно.

И эта его покорная готовность смолчать лишь сильнее раздувала пожар в груди Юй Цюся. Он безуспешно пытался разглядеть лицо собеседника в непроглядной темноте.

— Ты никогда мне об этом не рассказывал, — процедил он сквозь зубы.

— Да, — тихо отозвался Фан Сынун. — Не рассказывал.

Опять.

Юй Цюся раздражённо поморщился. Фан Сынун снова делал это.

Готовая вот-вот разразиться буря затухала, едва начавшись, придавленная его бесконечным терпением.

Но почему?

Почему даже в такие моменты Фан Сынун безропотно уступает?

Они никогда не ссорились по-настоящему, потому что Фан Сынун всегда брал вину на себя. Никогда не упрекал, первым признавал неправоту, мягко сглаживал углы.

Но за что он так сильно его любит? Откуда в нём это безграничное потворство? Откуда взялось это чувство? Неужели только из-за красивого лица?

Юй Цюся никогда этого не понимал. Он отчаянно пытался нащупать чужие границы, разглядеть истоки этой слепой преданности, понять, где предел его терпения.

И вот сегодня он получил ответ. Из-за сестры. Из-за несчастной маленькой девочки, погибшей в восемь лет, ему досталась эта безусловная, жертвенная любовь.

... Но действительно ли она безусловна?

Или Фан Сынун просто пытается искупить перед ним свой старый долг?

И разве во всём этом есть его, Юй Цюся, вина?

В горле словно застрял острый ком, мешавший дышать:

— Почему ты молчал?

Фан Сынун сидел неподвижно, точно каменное изваяние.

— Не о чем говорить. Всё в прошлом.

Юй Цюся горько усмехнулся.

Какая нелепость. Они любили друг друга шесть лет, делили одну постель, были самыми близкими людьми на свете — и все эти годы он почти ничего не знал о жизни Фан Сынуна.

Ему было известно лишь то, что его родители погибли в аварии, а в родных краях не осталось ни семьи. Стоило спросить о большем, как Фан Сынун ловко уходил от ответа или переводил разговор на другую тему.

Смешно. Те мальчишки и девчонки, что вились вокруг него, стоило им пересечься на час, вываливали на него всю подноготную: «родители развелись, когда мне было три года», «дедушка вырастил», «семья погрязла в долгах». Они жаждали сочувствия, кричали о своих обидах на весь мир. А он за шесть лет совместной жизни даже не подозревал, что у его возлюбленного когда-то была младшая сестра.

Услышав его короткий смешок, Фан Сынун понял, что тот злится. Причины он не знал, но интуитивно ответил на вопрос, который уже давно зрел в его собственной груди:

— Я полюбил тебя не потому, что ты похож на неё. Как раз наоборот. Из-за того, что ты совсем другой.

Другой. Разумеется, совершенно другой. Фанг Пэйэр росла истощённой, болезненной девчушкой. С тем бантом в волосах она выглядела как нищенка, тайком примерившая хозяйские украшения. Но когда этот бант надевал Юй Цюся, он казался ослепительно прекрасным — словно благородный белый лебедь в россыпи бриллиантов.

Фан Сынун прекрасно знал, что не любил Пэйэр по-настоящему. И ту серую, убогую жизнь он тоже ненавидел... Да и кто в здравом уме станет любить нищету и разруху?

А Юй Цюся не имел к тому кошмару никакого отношения. С самой первой встречи он казался недостижимым лунным светом, отражением в чистой воде... идеальным воплощением той «сестры», о которой Фан Сынун мог только грезить.

Прекрасный, здоровый, свободный и гордый. Невероятно талантливый, своенравный, не признающий никаких рамок.

Да, они не имели ничего общего.

Это была лишь его собственная глупость. Глупость, жажда обладания, нелепая попытка вырваться из липкого болота прошлого. Он просто не хотел признавать собственное убожество. Лишь раз взглянув на луну, он посчитал себя вправе донимать её своей навязчивой любовью.

Хотя Юй Цюся никогда не должен был соприкасаться с этой грязью... Он не имел к этому никакого отношения... Фан Сынун искренне надеялся унести уродливую правду о себе и своём прошлом прямо в могилу.

И теперь всё рухнуло.

Когда-то расставание с Юй Цюся казалось ему самой страшной трагедией в жизни. Но сегодня он понял: нет, всегда может стать ещё хуже.

То, что он так тщательно скрывал, выплыло наружу. Юй Цюся вырос в театральной семье, всю жизнь посвятил кино, и сложить целостную картину из пары случайных фраз для него не составляло труда.

Фан Сынуну больше негде было прятаться.

Он судорожно зажмурился. Скрывать что-либо теперь не имело смысла, и в душе заворочалась апатичная, горькая обречённость.

— Ты — всё то, чем она никогда не смогла бы стать, — прошептал он с едва заметной дрожью в голосе. — Жизнь, которую ты ведёшь... я никогда не смог бы ей дать.

«А я с самой первой нашей встречи лишь жалко и презренно... тешил свои несбыточные мечты».

Какое-то время они сидели в молчании. Затем Юй Цюся молча лёг обратно, давая понять, что разговор окончен.

Фан Сынун последовал его примеру. В голове шумело, перед глазамиплыли золотистые круги, а сон не шёл.

Спустя вечность в звенящей тишине раздался тихий голос:

— Смог бы.

Фан Сынун вздрогнул.

— Что?

— Если бы она выжила, — ровно произнёс Юй Цюся, — ты бы расшибся в лепёшку, но дал ей всё, чего она только пожелает.

Фан Сынун словно под дых ударили. Он невольно повернулся на бок и слегка сжался.

При этом движении его рука скользнула вперёд и едва заметно коснулась чужой ладони.

Пальцы наткнулись на мизинец Юй Цюся.

Фан Сынуно хотелось верить, что это вышло случайно, но теперь, когда их кожа соприкасалась, у него не хватило сил отстраниться.

Этот крошечный, почти неощутимый контакт окончательно лишил его покоя. Следующие десять минут он чувствовал себя так, словно внутри него на медленном огне закипает вода — тихо бурлит, испуская крошечные, но бесконечные колкие пузырьки.

В конце концов он не выдержал и тихо позвал в темноте:

— Прости... Можно мне взять тебя за руку? Мне немного холодно.

Юй Цюся, лежавший до этого на спине, молча повернулся к нему боком, пряча руку под подушку, и сухо скомандовал:

— Эллен, прибавь температуру в постели на три градуса.

На следующий день Фан Сынуно проснулся от настойчивых сигналов будильника, установленного Эллен. Ему казалось, что он так и не сомкнул глаз, но в момент звонка его настигло резкое ощущение свободного падения, и сонливость мгновенно улетучилась.

Комнату уже заливал мягкий утренний свет — то ли пробивавшийся сквозь скрытые проёмы, то ли искусно воссозданный технологиями будущего. Юй Цюся в постели не было, Фан Сынуно остался один.

В этот момент раздался механический голос Эллен:

— Пожалуйста, соберитесь в холле через десять минут. Луна уже ждёт.

Фан Сынуно мысленно хмыкнул. Вот, оказывается, почему Луна вчера не назвала точное время сбора.

Спустя пару минут из смежного отсека вышел Юй Цюся. Он выглядел совершенно спокойным, словно ночного разговора никогда и не было. Скользнув по нему коротким взглядом, он ровно произнёс:

— Иди приводи себя в порядок.

Фан Сынуно направился в санитарную кабину. Назвать это место ванной комнатой язык не поворачивался — слишком сильно оно отличалось от его привычных представлений, хоть и

выполняло те же функции. Здесь не было ни привычного унитаза, ни раковины. Всем процессом руководил Эллен. Стоило Фан Сыну переступить порог, как из гладких стен выдвинулись гибкие, похожие на лозы манипуляторы, и запустился высокотехнологичный процесс утренней гигиены.

Цельный комбинезон он так и не снимал. Один из манипуляторов подключился к клапану в нижней части костюма, чтобы удалить продукты жизнедеятельности, в то время как другие принялись чистить ему зубы, умывать лицо и аккуратно укладывать волосы.

Фан Сынун чувствовал себя крайне неловко под этими прикосновениями металлических щупалец, но деваться было некуда, оставалось лишь терпеть.

Когда процедура завершилась, время как раз подошло к концу. Юй Цюся первым распахнул дверь и шагнул наружу. Фан Сынун последовал за ним.

Проём был достаточно широким, чтобы идти почти вровень, лишь слегка отставая. Из-за ночного разговора Фан Сыну по-прежнему было неловко смотреть на спутника, и, отвернувшись в сторону, он едва не пересчитал носом ступеньки, запнувшись обо что-то прямо у порога.

Юй Цюся успел перехватить его за локоть — удержать не удержал, но падение существенно смягчил, так что обошлось без ушибов.

Фан Сынун обернулся, чтобы посмотреть на препятствие, и обнаружил на полу того самого упрямого мужчину средних лет.

— Что вы тут делаете? — удивлённо спросил он.

Мужчина сидел, сжавшись в комок и обхватив колени руками. От толчка он поднял голову. Глаза его были воспалёнными, в мелких красных прожилках, а лицо казалось серым от изнеможения и ужаса.

— Тот... тот старик... — губы его крупно дрожали. Он указал пальцем куда-то в сторону коридора, где, по всей видимости, находилась его комната. — Он... он превратился в ту тварь...

— В тварь? — Фан Сынун на секунду задумался, а затем показал руками у головы горизонтальные линии. — В того монстра?

Мужчина заторможенно кивнул, взгляд его оставался пустым и блуждающим:

— Да... именно...

— И вы просидели здесь всю ночь?

— Я... я звал на помощь... стучал... но никто не открыл...

Судя по хриплому, сорванному голосу, несчастный кричал не один час. Фан Сыун со вздохом покачал головой:

— Мы ничего не слышали.

Теперь стало понятно, почему бедолага забился именно к их порогу. Общий холл имел почти круглую форму, и из своего угла каждый видел только собственную дверь. Мужчина просто не знал, где находятся комнаты остальных участников, поэтому выбрал место подальше от своей двери, но так, чтобы не стоять прямо посреди открытого пространства.

Юй Цюся сухо спросил:

— И что сейчас делает этот монстр?

— Что? — мужчина отреагировал не сразу. Юй Цюся терпеливо повторил вопрос. — Я... когда я заглянул туда, он спал на том же месте, где я его оставил... Я сразу же бросился бежать.

Затем он принялся несвязно бормотать что-то на местном диалекте. Суть сводилась к тому, что он пытался достучаться хоть до кого-нибудь, но ему никто не ответил. Спускаться вниз он побоялся — там чудовищ было ещё больше, вот и пришлось всю ночь дрожать у чужого порога.

Юй Цюся, потеряв к разговору всякий интерес, отвернулся. Фан Сыун поднялся было на ноги, но, поразмыслив, снова присел перед мужчиной:

— Как вас зовут?

Тот удивлённо моргнул:

— Меня? Я... Юй Чуньминь.

Юй Цюся покосился на макушку Фан Сыуна. Он прекрасно понимал, о чём тот думает: парень решил, что этому бедолаге осталось недолго, и хотел хотя бы запомнить его имя, чтобы вынести его отсюда.

Но очень скоро Фан Сыуну предстоит осознать, насколько бесполезны и бессмысленны подобные жесты.

<http://bllate.org/book/20607/2214633>